

Легендарная классика фантастики

Ray Bradbury

The Illustrated Man

Рэй Брэдбери

Человек
в картинках

Москва
2018

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Ray Bradbury

THE ILLUSTRATED MAN

Copyright © 1948, 1949, 1950, 1951, and 1953 copyright
renewed 1976, 1977, 1978, 1979, and 1981 by Ray Bradbury

Оформление серии *А. Саукова*

Брэдбери, Рэй.
Б89 Человек в картинках : [перевод с английского-
ского] / Рэй Брэдбери. — Москва : Эксмо,
2018. — 384 с. — (Легендарная классика фан-
тастики).

ISBN 978-5-04-096930-2

Малая проза Брэдбери полна простых, но глубоких и своевременных идей.

Земляне способны на все – от надувательства до убийства. Прошлое нужно охранять от будущего, а будущее – от прошлого. Для каждой планеты есть своя истина. Как бы ни выглядели, люди остаются людьми.

Сборник философской фантастики – о хрупкости мира и космосе, калейдоскопе истории и даре предвидения, человеческой слабости, жизни на Марсе и чувстве приближающейся беды.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Н. Галь, Л. Жданов, М. Молчанов,
А. Оганян, В. Серебряков, перевод на
русский язык, 2018
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-096930-2

ТАНЕЦ КАК ЗАЛОГ ЖИЗНИ

Мой знакомый — его зовут Лоран — работает официантом в кафе на Марсовом поле, рядом с Эйфелевой башней. Однажды я заказал большой бокал пива (там говорят «юн гранд бир») и слушал, как он рассказывает о себе.

— Я работаю по десять-двенадцать, иногда по четырнадцать часов, а в полночь иду на танцы. Там я танцую, танцую до четырех или до пяти утра, потом ложусь спать. Сплю до десяти, встаю — и к одиннадцати бегом на работу. И снова десять-двенадцать часов, иногда даже пятнадцать.

— Как ты это выдерживаешь? — спрашиваю.

— Легко, — отвечает он. — Сон — это все равно что смерть. Поэтому мы танцуем, ведь танец — залог жизни. А умирать нам не хочется.

— И сколько тебе лет? — задаю я главный вопрос.

— Двадцать три.

— А, вот как. — Я вежливо беру его под локоть. — Двадцать три, говоришь?

— Двадцать три, — улыбается он. — А вам?

— Семьдесят шесть. Мне тоже не хочется умирать. Только я не в том возрасте, чтобы танцевать до утра. Как тогда быть? Посоветуй.

— Легко. — Его улыбка по-прежнему полна беспечности. — Чем вы занимаетесь в три часа ночи?

— Пишу, — подумав, отвечаю я.

— Пишете?! — Лоран поражен. — Вы пишете?

— Да, ведь это — залог жизни, — отвечаю. — Так что мы очень похожи.

— Похожи?

— Да. — Теперь улыбаюсь и я. — В три часа ночи я сажусь и начинаю писать, писать и писать!

— Вы счастливый человек, и очень молодой, — говорит Лоран.

— Стараюсь.

Я допиваю пиво, иду домой и сажусь за пишущую машинку, чтобы закончить рассказ.

Каким же образом полет фантазии спасает меня от смерти?

Каждый очередной рассказ в «Человеке в картинках» буквально жаждет раскрыть какой-то образ.

Часто я даже не подозреваю, что такие образы есть и что они ждут, когда же я их запечатаю.

Можно сколько угодно строить догадки о том, что творится у нас в голове, но надо признать: пока для нас это страна неведомая. Задача пи-

сателя — выманить плоды воображения наружу и поглядеть, что из них получится. Как я люблю повторять: удивление — ключ ко всему.

Взять, к примеру, «Калейдоскоп». Однажды утром сорок шесть лет назад я просто решил взорвать ракету, раскидать астронавтов по космосу и посмотреть, что будет дальше. Рассказ в итоге помещали и помещают в бесчисленные сборники, изучали и изучают в учебных заведениях. Когда школьники по всей стране разыгрывают этот сюжет в классе, я в очередной раз убеждаюсь, что театру не нужны декорации, освещение, костюмы и звук. Нужны только актеры, которые будут с чувством и выражением произносить текст, а будут они это делать в школе, у кого-нибудь в гараже или просто на улице — неважно.

Пустая сцена шекспировского театра по-прежнему остается образцом для подражания. Увидев солнечным летним днем в Сан-Фернандо, как дети играют беспросветную пустоту «Калейдоскопа», я решил инсценировать и поставить свою версию. Встал вопрос: как уместить миллионы миль межпланетного пространства на сцене сорок на двадцать футов перед залом на девяносто девять человек? Ответ: никак, просто берешь и играешь. А когда последний человек ярким метеором рассекает небо, зрители рыдают. Потому что и космос, и время, и пульс семи астронавтов

заключены в словах. Стоит их произнести, как все становится явью.

«Что будет, если?..» — именно этот вопрос лежит в основе большинства моих рассказов.

Что будет, если прилететь на далекую планету, которую Спаситель покинул буквально накануне? А если Он все еще там? Ответом на этот вопрос стало «Пришествие».

Что будет, если взять комнату, создать внутри нее мир (сорок лет спустя это назовут виртуальной реальностью), запустить туда семью, и пусть комната проецирует их худшие страхи? Я построил такое помещение с помощью пишущей машинки и испытал на собственной семье. Уже к полудню все кончилось: со стен прыгнули львы, а мои дети устроили чаепитие.

Что будет, если появится возможность купить себе двойника-«марионетку»? И что будет, если слишком надолго оставлять его со своей женой? Читайте «Корпорацию «Марионетки»».

Что будет, если все ваши любимые с детства писатели вынуждены сбежать на Марс, потому что на Земле их книги сжигают? А это «Запрещенные». Спустя три года я вернулся к теме книжных пожаров, и так появился «451° по Фаренгейту».

Что будет, если первыми Марс заселят цветные (так называли негров в те годы, когда были написаны «Другие времена»), осядут там, по-

строят города и станут ждать прибытия белых? Что произойдет, когда белые все-таки прилетят? Я хотел знать и потому написал рассказ. Ни один американский журнал не захотел его публиковать. Еще не возникло движение за права чернокожих, начиналась холодная война, в правительстве свирепствовала Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности под председательством Парнелла Томаса (Джозеф Маккарти, развязавший «охоту на ведьм», появится позднее). Неудивительно, что в такой обстановке никто не соглашался отправлять моих чернокожих беженцев на Марс. В итоге «Другие времена» появились на страницах парижского журнала «Нью стори», редактором которого был сын Марты Фоли, Дэвид.

Ну, или что будет, если у вас на заднем дворе окажется гора металлолома? Возникнет ли у вас желание сварить из него ракету и отправиться на Луну? В Тусоне, штат Аризона, где мы жили, когда мне было двенадцать, прямо за домом располагалась как раз такая свалка. Там я каждый день совершал полеты на Луну, а после бежал на кладбище старинных локомотивов неподалеку, садился в кабину какого-нибудь паровоза и под свистки отправлялся в Канкаки, Осуиго и далекий Рокавэй. Нетрудно догадаться, что дома я практически не бывал. Все эти воспоминания превратились в «Ракету».

Подобные вопросы без конца всплывают у меня в голове.

Иными словами, левое полушарие моего мозга (если оно в самом деле отличается) предполагает, а правое полушарие (если оно в самом деле отличается) — располагает.

Но что толку левому полушарию предполагать, если в правом нечему располагать? Впрочем, тут мне с генетикой повезло. Господь, Космос, Сила (нужное подчеркнуть) подарили мне правое полушарие, готовое принять любую подачу слева. С одной стороны — левой — все вроде бы ясно, тогда как другая — правая — держится в тени и ждет, пока ее вытащат на свет.

Чтобы поймать этот призрак, пока он не истаял, нужен не хрустальный шар, а пишущая машинка, компьютер или бумага с ручкой.

«Опять ты со своими сравнениями, — проворчал бы папа. — Говори уже по-человечески».

Так вот, я хочу сказать, что творческий процесс очень похож на то, как делали фотографии в старину: ставили большой фотоаппарат, залезали под черную тряпку и высматривали кадр в темной коробочке. Модель могла пошевелиться. Света могло не хватать или, наоборот, быть слишком много. Неважно. Твое дело — щелкать и надеяться, что при проявке выйдет достойный снимок.

Словом, перед вами коллекция таких снимков: на рассвете ставим аппаратуру, на завтрак фотографируем модель, в полдень проявляем. Те, что с открытой концовкой, будут готовы в десять утра; те, что со счастливым или несчастливым финалом, — в обед, в крайнем случае к четырем пополудни, после чашечки слабозаваренного кофе с крепким бренди.

«И пытаюсь любить», — пела в свое время Элла Фицджеральд.

А на титрах «Двенадцати стульев» Мела Брукса звучало:

Сегодня есть,
А завтра нет,
Будь ты Толстой
Иль дрянь-поэт.

Я-то, конечно, хотел, чтобы меня сравнивали с Гербертом Уэллсом или Жюлем Верном. Какое счастье, что мне и вправду удалось занять место в одном ряду с ними.

В заключение я вернусь к моему парижскому знакомому — официанту по имени Лоран, который танцует и танцует ночами напролет.

У меня тоже есть свои мелодии и ритмы. Все эти годы они не дают мне остановиться. Я не хочу умирать и потому пишу, пишу, пишу — всегда: и в полдень, и в три часа ночи.

В этом залог моей жизни.

ЧЕЛОВЕК В КАРТИНКАХ

С Человеком в картинках я повстречался ранним теплым вечером в начале сентября. Я шагал по асфальту шоссе, это был последний переход в моем двухнедельном странствии по штату Висконсин. Под вечер я сделал привал, подкрепился свининой с бобами, пирожком и уже собирался растянуться на земле и почитать — и тут-то на вершину холма поднялся Человек в картинках и постоял минуту, словно вычерченный на светлом небе.

Тогда я еще не знал, что он — в картинках. Разглядел только, что он высокий и раньше, видно, был поджарый и мускулистый, а теперь почему-то располнел. Помню, руки у него были длинные, кулачищи как гири, сам большой, грузный, а лицо совсем детское.

Должно быть, он как-то почувял мое присутствие, потому что заговорил, еще и не посмотрев на меня:

- Не скажете, где бы мне найти работу?
- Право, не знаю, — сказал я.
- Вот уже сорок лет не могу найти постоянной работы, — пожаловался он.

В такую жару на нем была наглухо застегнутая шерстяная рубашка. Рукава и те застегнуты, манжеты туго сжимают толстые запястья. Пот градом катится по лицу, а он хоть бы ворот распахнул.

— Что ж, — сказал он, помолчав, — можно и тут переночевать, чем плохое место. Составлю вам компанию — вы не против?

— Милости просим, могу поделиться кое-какой едой, — сказал я.

Он тяжело, с кряхтением опустился наземь.

— Вы еще пожалеете, что предложили мне остаться, — сказал он. — Все жалеют. Потому я и брожу. Вот, пожалуйста, начало сентября. День труда — самое распрекрасное время. В каждом городишке гулянье, народ развлекается, тут бы мне загребать деньги лопатой, а я вон сижу и ничего хорошего не жду.

Он стащил с ноги огромный башмак и, прищурясь, начал его разглядывать.

— На работе, если повезет, продержусь дней десять. А потом уж непременно так получается — катись на все четыре стороны! Теперь во всей Америке меня ни в один балаган не наймут, лучше и не соваться.

— Что ж так?

Вместо ответа он медленно расстегнул тугой воротник. Крепко зажмурясь, мешкотно и неуклюже расстегнул рубашку сверху донизу. Сунул руку за пазуху, осторожно ощупал себя.

— Чудно, — сказал он, все еще не открывая глаз. — На ощупь ничего не заметно, но они тут. Я все надеюсь — вдруг в один прекрасный день погляжу, а они пропали! В самое пекло ходишь

целый день по солнцу, весь изжаришься, думаешь — может, их потом смоет или кожа облупится и все сойдет, а вечером глядишь — они тут как тут. — Он чуть повернул ко мне голову и распахнул рубаху на груди. — Тут они?

Не сразу мне удалось перевести дух.

— Да, — сказал я, — они тут. Картинки.

— И еще я почему застегиваю ворот — из-за ребятни, — сказал он, открывая глаза. — Детишки гоняются за мной по пятам. Всем охота поглядеть, как я зарисован, а ведь не всем приятно.

Он снял рубашку и свернул ее в комок. Он был весь в картинках, от синего кольца, вытатуированного вокруг шеи, и до самого пояса.

— И дальше то же самое, — сказал он, угадав мою мысль. — Я весь как есть в картинках. Вот поглядите.

Он разжал кулак. На ладони у него лежала роза — только что срезанная, с хрустальными каплями росы меж нежных розовых лепестков. Я протянул руку и коснулся ее, но это была только картинка.

Да что ладонь! Я сидел и пялил на него глаза: на нем живого места не было, всюду кишели ракеты, фонтаны, человечки — целые толпы, да так все хитро сплетено и перепутано, так все ярко и живо, до самых малых мелочей, что казалось — даже слышны тихие, приглушенные голоса этих бесчисленных человечков. Стоило

ему чуть шевельнуться, вздохнуть — и вздрагивали крохотные рты, подмигивали крохотные зеленые с золотыми искорками глаза, взмахивали крохотные розовые руки. На его широкой груди золотились луга, синели реки, вставали горы, тут же словно протянулся Млечный Путь — звезды, солнца, планеты. А человечки теснились кучками в двадцати местах, если не больше: на руках, от плеча и до кисти, на боках, на спине и на животе. Они прятались в лесу волос, рыскали среди созвездий веснушек, выглядывали из пещер подмышек, глаза их так и сверкали. Каждый хлопотал о чем-то своем, каждый был сам по себе, точно портрет в картинной галерее.

— Да какие красивые картинки! — вырвалось у меня.

Как мне их описать? Если бы Эль Греко в расцвете сил и таланта писал миниатюры величиной с ладонь, с мельчайшими подробностями, в обычных своих желто-зеленых тонах, со странно удлинненными телами и лицами, можно было бы подумать, что это он расписал своей кистью моего нового знакомого. Краски пылали в трех измерениях. Будто окна распахнуты в зримый и осязаемый мир, ошеломляющий своей подлинностью. Здесь, собранное на одной и той же стене, сверкало все великолепие Вселенной; этот человек был живой галереей шедевров. Его расписал не какой-нибудь ярмарочный пьяница